

Небо все еще оставалось темным. Йю Цзиньшэн, который работал под руководством Шу Чанфэна и лучше всех собирал информацию, постучал в дверь комнаты, куда вчера вечером вошел молодой глава Бай.

Узкая и низкая дверь каюты со скрипом распахнулась. В комнате была кромешная темнота. Йю Цзиньшэн зажег лампу и обнаружил, что на кровати никого не было, одеяло было наполовину свернуто, а окно было широко распахнуто, и брызги воды попадали ему в лицо.

Он прикоснулся к кровати и обнаружил, что она еще теплая.

*****

«Ты говоришь... Бай Шици пропал?» Чжао Уцзю уже ждал на палубе еще до восхода солнца. Холодный ветер дул ему в лицо, и Шу Чанфэн, опасавшийся, что он простудится, специально накрыл ноги одеялом. Он был счастлив, что в последнее время господин часто выходил из каюты, его сердце было полно благодарности к Бай Шици.

В армии Йю Цзиньшэн был экспертом в сборе информации. Кто бы мог знать, что после того, как он попал на корабль группы Цзянсу, он неоднократно наткнулся на стену при встрече с Бай Шици. Золотая репутация была почти уничтожена молодым главой Баем.

Он опустил голову, чувствуя стыд: «Этот подчиненный наблюдал за каютой, в которую вошел молодой глава Бай прошлой ночью, и даже не спал всю ночь. Рано утром, когда этот подчиненный постучал в дверь, видимо ... видимо, он сбежал через окно».

Окно каюты, где прошлой ночью спал Бай Шици, выходило на реку, и внизу не было ничего, по чему можно было пройти. Йю Цзиньшэн не сдавался, он пробормотал: «Маловероятно, что молодой глава Бай... упал в канал, когда он прыгнул из окна, верно?»

Чжао Уцзю вытащил Чжао Цзихэна с кровати, и он просто сидел на палубе, притворяясь мертвым. Услышав сказанное, он скривил губы: «Не волнуйтесь, даже если Шици упадет в канал, он не утонет». Он наклонился, взял подлокотник инвалидной коляски и закричал: «Двоюродный брат, у меня температура! Вчера я промок в воде и заболел, разве у тебя еще есть сердце, чтобы заставлять меня тренироваться?»

Слегка холодная рука Чжао Уцзю коснулась его лба: «Есть небольшой жар». Однако он не пожалел его: «Это из-за плохого телосложения. После хорошей тренировки, температура пройдет с потом».

Чжао Цзихэн жалобно заплакал, и двое охранников уже подняли его, чтобы он встал и бежал...

*****

Над каналом ночью на носу корабля повесили фонари. Время тянулось медленно, среди коровьих вздохов Чжао Цзихэна. Небо наверху казалось черным как смоль котлом, но в данный момент это было так, как если бы кто-то открыл крышку котла с трещиной, и луч света проник внутрь. Сельскохозяйственные уголья и деревня по обе стороны канала были окрашены в расплывчатый силуэт.

Постепенно этот силуэт прояснялся. Небо было великолепно ярким. Тьма исчезла в мгновение ока, как отлив. По мере приближения нового дня солнце, не щадя усилий, поднималось над горизонтом, распространяя золотой свет по берегам реки.

Шу Чанфэн тихо стоял на страже позади Чжао Уцзю, слушая, как сельские жители на берегу реки ведут своих коров, напевая деревенские мелодии. Время шло медленно и мирно, казалось бы, способно смыть пыль десяти лет пути.

Лодочники вставали один за другим и начинали передвигаться по палубе, а некоторые люди уходили заменять своих товарищей, дежуривших ночью, оживляя весь корабль. Чжао Уцзю наконец приказал прекратить утреннюю зарядку Чжао Цзихэна на этот день.

Все тело Чжао Цзихэна было мокрым от пота, хотя он тренировался несколько дней, его мышцы были такими же мягкими, как и раньше. Его ноги дрожали, когда он изо всех сил пытался забраться на Юю Цзиньшэна, чтобы тот мог вернуть его в его каюту.

Как только группа достигла каюты на верхнем этаже, послышался ленивый голос Бай Шици: «Кто первым увидел большую мечту, я знаю себя еще при жизни...» (*строчки из стихотворения из «Романа о трех царствах»)

Талия Чжао Цзихэна больше не болела, его ноги больше не болели, но его дыхание... было по-прежнему тяжелым. Он раздраженно толкнул дверь каюты. Ему ничего не преграждало взор, и он сразу же увидел Бай Шици, прислонившуюся к изголовью кровати, скрестив ноги и покрыв их одеялом до талии, с видом человека, который только что проснулся. Увидев группу людей, которые молчали у двери, она улыбнулась и помахала им: «Двоюродный брат, доброго утрачка! Цзихэн, тебе тоже доброе утро!»

Цзихэн топал ногами, пробиваясь через комнату и, затем выразил свое недовольство: «Бай Шици...»

Бай Шици быстро переместилась на другую часть кровати, и похлопав по свободному местечку, выглядела очень чутко: «Ты устал? Хочешь прилечь и отдохнуть? Думаю, скоро пора будет подавать завтрак».

Чжао Цзихэн: «Ты все еще мой брат?»

Удивленная Бай Шици: «Почему ты говоришь эти слова? Если бы я не был твоим братом, я бы прыгнул в реку, чтобы спасти тебя, когда ты тонул?» Со снисходительным взглядом: «Тч-тч, Цзихэн, ты действительно неблагодарен. Это так ты относишься к своему спасителю?»

Чжао Цзихэн не смог привести никаких убедительных аргументов, но он был настолько измучен, пока его добрый брат лениво спал на удобной кровати, как он мог чувствовать себя счастливым? Он мог только взглянуть на Чжао Уцзю за помощью, и с сожалением сказал: «Двоюродный брат...»

Чжао Уцзю толкнул инвалидную коляску и с неодобрительным выражением лица сказал: «Шици, такой отличный день, но ты остался в каюте, чтобы не выполнять какую-либо работу. Разве ты не знаешь, что совершенство в работе возможно только с усердием, более того, пренебрегая практикой ради развлечения...»

Как только прозвучал его проповеднический тон, по всему телу Бай Шици пробежали мурашки по коже. Она поспешно вскочила с кровати: «Двоюродный брат, у меня еще есть дела, и еще нужно организовать следующее соревнование. Пусть Ваше уважаемое «я» позавтракает с Цзихэном, я пойду первым и разберусь со всем».

Несколько охранников вокруг Чжао Уцзю блокировали дверь. Она распахнула окно и внезапно выпрыгнула, заставив остальных опешить. Чжао Цзихэн уже испуганно закричал: «Шици, не

прыгай! Это опасно!»

Окно в каюте выходило на реку, а сама каюта находилась на верхнем этаже корабля. Это было все равно, что прыгнуть прямо в реку. Чжао Уцзю поспешно подтолкнул инвалидную коляску и бросился к окну, Чжао Цзихэн последовал за ним. Два брата высунули головы, чтобы посмотреть, и они увидели Бай Шици, свисающую из окна этажом ниже, как обезьяна, все еще корча рожи братьям.

Под ней был бурлящий канал. Ее огненно-красный наряд развеялся на ветру, и, как птица, она упала в канал. Чжао Цзихэн вскрикнул от испуга и закрыл глаза.

Чжао Уцзю сражался много лет и прошел через множество жизненных и смертельных ситуаций. Он тоже почти весь вспотел от испуга, но затем он увидел, что прежде, чем чуть не упасть в канал, этот засранец отошел в сторону и зашагал по бортику рядом с каютой.

Выступающая сторона борта корабля была шириной всего в ладонь взрослого человека, однако, не обращая внимания на других, Бай Шици наступила на бортик и прошла через наиболее опасную зону. Очевидно, область под ее ногами была не такой большой, но она протянула руку и ухватилась за балку. Словно заметив взгляд Чжао Уцзю из каюты над ее головой, она снова сделала гротескное лицо, прежде чем огненное одеяние спустилось, и человек исчез.

Чжао Цзихэн все еще прикрывал глаза, слегка дрожа, он спросил: «Он... Он упал?»

Вчера он наглотался речной воды, и до сих пор, когда он вспоминал то чувство, когда он был там внизу, у него все еще дрожало все тело.

Чжао Уцзю похлопал своего младшего брата по голове: «Все в порядке, он ушел». Прямо сейчас, когда Бай Шици прыгнул, он также не смог не задержать дыхание. В то время он внезапно получил полное представление о методах главы Бая по воспитанию своего ребенка - поскольку человек родился таким, даже использование палки для контроля все еще недостаточно.

Как можно назвать Бай Шици неженкой? Она явно была тем безрассудным засранцем. Ее лицо было непреклонным, и она всегда была там, где была опасность. Неудивительно, что его подчиненный Йю Цзиньшэн понес много потерь от ее рук. Она прошла по опасному борту, как если бы шла по плоской земле, а у большинства людей этой способности не было.

Поразмыслив над этим, Чжао Уцзю понял, что обычная утренняя зарядка не сможет ее сдержать. Впервые он смог признать поражение.

Вскоре на кухню доставили завтрак. Двоюродные братья сели вместе, чтобы поесть, и Чжао Цзихэн снова и снова спрашивал: «Двоюродный брат, Шици действительно в порядке?»

Чжао Уцзю хотел ударить его по его большой башке: «Как ты думаешь, с ним может что-нибудь случиться?»

«Ты прав, даже если Шици упадет в реку, он не утонет». Тем не менее, он несколько восхищался способностями своего доброго брата. Чтобы восстать против притеснений его двоюродного брата и уклониться от утренней зарядки, он мог даже прыгнуть в реку. К сожалению, у него не хватило смелости сделать то же самое. Если бы только у него была половина храбрости Шици, возможно, его бы не тащили каждый день подчиненные его двоюродного брата, чтобы выполнять те упражнения, от которых хочется умереть.

Но Чжао Цзихэн просто думал об этом. Пройдя вчера через опасность, он все обдумал. Когда они вышли на палубу, он отказался от оставшихся соревнований. Он решил довольствоваться тем, что был зрителем. Увидев взволнованную Бай Шици, он обнял ее: «Шици, как и ожидалось, с тобой все в порядке!»

Бай Шици весело улынулась: «Цзихэн, ты сегодня не участвуешь?»

Сегодня Чжао Цзихэн выглядел ничем не хуже Бай Шици. На его талии висел нефритовый кулон, на голове - золотая корона, мантия с широкими рукавами и складной веер из костяного нефрита на руке. Если бы ему принесли перо, чернила, бумагу и чернильный камень, он мог бы немедленно написать кривое стихотворение: «Участвовать? Сегодня я просто посмотрю. Почему ты не участвуешь? Все лодочники под твоим руководством сказали, что ты очень хорошо поднимаешься на мачту, почему ты не покажешь мне?»

Чжао Уцзю тайно подумал: боюсь, что подъем на мачту... наверное, это слишком просто для молодого главы Бая.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/51381/1360187>